Нескородева О.О.
Отечественная историография межкорейских отношений
в конце XX – начале XXI века

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
(Россия, Курск)

doi:10.18411/spc-01-05-2019-06

idsp: sciencepublic-01-05-2019-06

Межкорейские отношения второй половины XX столетия развивались на основе целого комплекса различных факторов, одними из которых была политика Южной и Северной Кореи в отношении друг друга, принимавшаяся на уровне основополагающих концепций руководителей двух корейских государств. В данной работе будет рассмотрена отечественная историография межкорейских отношений, а также определявшие межкорейские отношения в первое пятилетие XXI в.

Отечественная историография, касающаяся межкорейских отношений, довольно обширна. Основополагающим является труд советских корееведов «История Кореи»[4], в котором исследован широкий круг вопросов, касающихся становления и развития советско-северокорейских отношений в 1950–1970-е годы, а также представлена точка зрения отечественных историков по основным вопросам истории, в том числе древнекорейского государства Когурё, которое рассматривается ими как одно из трех средневековых корейских государств.

В конце 1990-х гг. межкорейские отношения выходят на новые рубежи. Приход к власти в Южной Корее в 1998 г. известного оппонента военным режимам РК Ким Дэ Чжуна и провозглашение им т. н. «политики солнечного тепла» стало поворотным этапом в отношениях между двумя корейскими государствами. Новые тенденции российской дальневосточной политики нашли отражение в общей направленности работ российских ученых. Стало уделяться повышенное внимание изучению государственных интересов России в отношении стран Корейского полуострова, а также вопросам безопасности в СВА.

Отмечалось, что в 1990-е годы наиболее перспективным направлением российско-северокорейского сотрудничества могло стать «взаимодействие в предотвращении конфликтных ситуаций на Корейском полуострове».

Был сделан вывод о «необходимости поддержания политического диалога с КНДР, базирующегося на общепринятых международно-правовых нормах»[9].

Проблемы безопасности на Корейском полуострове рассмотрены в диссертации корееведа-практика В.П. Ткаченко «Безопасность в Корее и интересы России (1961–1995 гг.)», которая затем была издана в виде монографии «Корейский полуостров и интересы России». Подчеркивая важность корейского направления во внешней политике России, он отмечал, что «Корейский полуостров еще длительное время останется своеобразным полигоном, где будет испытываться российская политика в Азии в целом».

В.П. Ткаченко не обошел вниманием ошибки российской дипломатии, справедливо указывая, что неудачи корейской политики России 1991–1993 гг. произошли из-за игнорирования «самоценности для России ее отношений как с Южной, так и с Северной Кореей». Хотя с 1994 г. российское правительство приняло ряд мер по проведению более сбалансированной политики на полуострове, но «возвращать утраченное нелегко, отношения с Пхеньяном приходится выстраивать заново и на новых условиях». Эти новые условия не всегда благоприятны для России, что ведет к дальнейшему ослаблению российских военно-политических и экономических позиций в СВА.

Сборник статей «Россия и Корея в меняющемся мире»[2], составленный на основе выступлений на научно-практической конференции, раскрывает основную концепцию новой российской политики в отношении КНДР. В статьях А.В. Кртунова, Б.В. Сеницына, Ю.Е. Федорова, А.Д. Богатурова и др. освещен широкий спектр проблем: проанализированы планы советского руководства в момент установления дипломатических отношений с РК; изучены причины просчетов советской дипломатии, показана позитивная роль России в процессе сохранения мира на Корейском полуострове и содействия объединению Кореи, аргументированно обоснована точка зрения о контрпродуктивности постоянного давления на Пхеньян путем систематического военного устрашения, изоляции КНДР на международной арене, преувеличения «ядерной угрозы Севера». В статье Богатурова А.Д. сделан важный вывод о том, что «международное сообщество в целом, так же, как и новое руководство КНДР, дипломатически оказалось в крайне сложном положении во многом вследствие той изоляции, в которой Пхеньян оказался не в последнюю очередь из-за недооценки Москвой важности российско-северокорейских отношений». Он посчитал необходимым в новом российско-северокорейском межгосударственном договоре оговорить «для северокорейского режима политические гарантии безопасности против беспокоящих его попыток силового свержения извне».

В статье бывшего советского дипломата В.В. Михеева «Российская политика в отношении Корейского полуострова после перевыборов президента Ельцина»[6] представлена обобщающая оценка основных шагов российской дипломатии в отношении КНДР и РК. Он обосновал периодизацию российско-северокорейских отношений в 1990-е годы, отметив что в первой половине периода Россия сознательно заморозила связи с КНДР, рассматривая последнюю как «враждебное недемократическое коммунистическое государство», и расширила контакты с РК в ожидании широкого притока южнокорейских инвестиций.

В мае 2007 г. на очередной министерской встрече южнокорейская делегация выступила с идеей выработки Плана развития межкорейского сотрудничества в политической, военной и экономической областях. Пхеньян не изъявил намерения обсуждать такой комплексный план и со своей стороны предложил прекратить ежегодные совместные американо-южнокорейские военные учения, отменить действующий с 1948 г. в РК закон о национальной безопасности.

Достаточно стабильно межкорейские отношения развиваются в области экономики. Между Югом и Севером действует Совместный комитет экономического сотрудничества, различные подкомитеты, рабочие группы, которые занимаются конкретными сферами экономического взаимодействия. Произошел рост внутрикорейской торговли: в 2003 г. - 722 млн долл., в 2004 г. - 667 млн долл., в 2005 г. - 1 млрд долл., в 2006 г. - 937 млн долл., в 2007 г. - около 1,5 млрд долл. Всего же с 1991 г. по 2006 г. товарооборот между корейскими государствами превысил 8,5 млрд долл.

Важно замечание А.З. Жебина о том, что северокорейское руководство, пойдя на либерализацию внешнеэкономических связей, что выразилось в создании свободной экономической зоны (СЭЗ), допущении южнокорейского капитала в северокорейскую экономику, во внутренней политике «под лозунгом строительства социализма «корейского образца» еще активнее проводит курс на сохранение однопартийной власти, государственного контроля над экономикой и не допускает никаких проявлений инакомыслия».

А.З. Жебин сделал вывод о том, что правящая элита КНДР обеспечивает устойчивость своего политического режима путем сочетания жесткого идеологического воздействия, экономического давления и силовой угрозы в отношении своих граждан[5].

Анализ эволюции политики США на Корейском полуострове содержится в диссертации А.Н. Ролина «Корейский вопрос во внешней политике США (80-е годы

XX в. – 2003 год)» (2005), где отмечается, что экспансионистские интересы США сталкиваются с интересами других стран региона — прежде всего с китайскими и северокорейскими. Поэтому необходимо учитывать стратегию и тактику Вашингтона в новых геостратегических условиях и их влияние на формирование российско-северокорейских отношений. А.Н. Ролин пришел к выводу, что приоритетным направлением внешней политики США остается наращивание американского военного присутствия, а также увеличение политического и экономического влияния на Корейском полуострове. В связи с этим он считает необходимым участие России в решении ядерного кризиса на Корейском полуострове, так как это диктуется геополитическими задачами «сохранения и дальнейшего утверждения позиций нашей страны и ее влияния в регионе»[8].

В отечественной историографии остается малоизученной тема политики обоих корейских государств в отношении российских корейцев. В этой связи является актуальным исследование политики КНДР в отношении российских корейцев, проживающих на Дальнем Востоке России, так как именно через такие частные вопросы проявляются истинные цели и задачи северокорейской политики в отношении нашей страны.

Необходимо отметить, что отечественная историография по истории российских корейцев, причин их выселения в Казахстан и Среднюю Азию довольно многочисленна и опирается на обширный архивный материал. Большинство публикаций появилось в 1990-е годы, когда были открыты центральные и местные государственные архивы, снята цензура и исследователи получили возможность публиковать свои труды по данной проблеме. В целом, можно отметить, что в отечественной историографии по данной проблеме существуют различные теоретические позиции ученых, которые характеризуют аналогичное состояние самой корейской общественности, что в свою очередь, играет сдерживающую роль в формировании общей оценки корейской трагедии и выработке единой стратегии — на восстановление национально-государственного единства народа — по примеру немцев — и общенациональный прорыв.

1. Асмолов, К.В. Корейский полуостров и вызовы XXI века / К.В. Асмолов. — М.: ИДВ РАН, 2003. — 192 с.
 2. Асмолов, К.В. КНДР сейчас — сталинизм, застой или ползучая перестройка? / К. Асмолов // Проблемы Дальнего Востока (далее — ПДВ). — 2005. — № 1. — С. 44–56.
 3. Бок, Зи Коу. Корейцы на Сахалине / Зи Коу Бок. — Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинский государственный педагогический университет, 1993. — 219 с.
 4. Гафуров, Б.Г. История Кореи: с древнейших времен до наших дней / Б.Г. Гафуров. — М.: Наука, 1974. — 480 с.
 5. Жебин, А.З. Народные группы и их место в политической системе КНДР в условиях глобальных перемен / А.З. Жебин. — М.: РАН, 1997. — 163 с.
 6. Михеев, В.В. Российская политика в отношении Корейского полуострова после перевыборов президента Ельцина / В.В. Михеев. — М.: Феникс, 2010. — 550 с.
 7. Пак, А.В. Россия и Корея в меняющемся мире / А.В. Пак. — М.: Московский общественный фонд, 1997. — 176 с.
 8. Ролин, А.Н. Корейский вопрос во внешней политике США: 80-е годы XX в / А.Н. Ролин. — М.: ИВИ МО РФ, 2005. — 20 с.
 9. Ткаченко, В.П. Безопасность в Корее и интересы России: 1961–1995 гг. / В.П. Ткаченко. — М.: ИДВ РАН, 1997. — 15 с.
 10. Ткаченко, В.П. Россия и Корея в меняющемся мировом порядке / В.П. Ткаченко. — М.: ИДВ РАН, 2003. — 300 с.
-